

УДК 82

DOI: 10.35254/bhu/2023.63.41

*Бархоян А.А.**Кубанский государственный университет*

**«ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ»
В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ:
А. ЧЕХОВ «ТРИ СЕСТРЫ», В. АРРО «КОЛЕЯ»**

Аннотация

На современном этапе развития драма проходит сложный путь. Связано это не только с литературным контекстом, но и с историческим. После распада Советского союза в экономическом, социальном культурном пространстве происходили интенсивные трансформационные процессы. Осуществилась также смена художественных парадигм. Так, П. Руднев констатирует эстетический «разрыв» между авторами советского времени и авторами 1990–2010-х гг. Неприятие театральных канонов, существовавших ранее, привело к отказу от традиционного понимания законов построения драматургического текста. Изменившаяся реальность конца 20 – начала 21 века спровоцировала рождение новых и переосмысление прежних литературных типов. Один из самых востребованных современной драматургией типажей может быть определен – вслед за формулировкой Р. Музиля – как «человек без свойств».

Ключевые слова: драма, «Колея», человек без свойств, хронотоп дома, мотив бездомности, конфликт, Чехов, бытийная гармония, ценностная дезориентация, «потерявшийся» человек.

*Бархоян А. А.**Кубан мамлекеттик университети*

**«САПАТСЫЗ АДАМ» ДИАХРОНДУК РЕТРОСПЕКТИВАДА:
А. ЧЕХОВ «ҮЧ ЭЖЕ-СИҢДИ», В. АРРО «КОЛЕЯ»**

Кыскача мазмуну

Азыркы өнүгүү этабында драматургия татаал жолду басып өтөт. Бул адабий контекстке гана эмес, тарыхый контекстке да байланыштуу. Советтер Союзу кулагандан кийин экономикалык, социалдык жана маданий мейкиндикте интенсивдүү трансформациялык

процесстер жүрдү. Көркөм парадигмаларда да өзгөрүү болду. Ошентип, П.Руднев совет доорундагы авторлор менен 1990–2010-жылдардагы авторлордун ортосундагы эстетикалык «ажыракты» айтат. Буга чейин болгон театралдык канондорду четке кагуу драмалык тексти куруунун мыйзамдарын салттуу түшүнүүнү четке кагууга алып келген. 20-кылымдын аягы – 21-кылымдын башындагы өзгөргөн чындык жаңы адабияттардын жаралышына жана эски адабий типтердин кайра ойланышына түрткү болду. Заманбап драматургияда эң көп талап кылынган типтердин бири – Р.Мусилдин формулировкасы боюнча – “сапаты жок адам” деп аныктама берсе болот.

Түйүндүү сөздөр: драма, Рут, касиети жок адам, үйдүн хронотобу, үйсүздүк мотиви, конфликт, Чехов, экзистенциалдык гармония, ориентациянын бузулушу, "жоголгон" адам.

Barkhoyan A.A.
Kuban State University

"A MAN WITHOUT QUALITIES" IN A DIACHRONIC RETROSPECTIVE: A. CHEKHOV "THREE SISTERS" - V. ARRO "KOLEYA"

Abstract

At the present stage of development, drama goes through a difficult path. This is due not only to the literary context, but also to the historical one. After the collapse of the Soviet Union, intensive transformational processes took place in the economic, social and cultural space. There has also been a shift in artistic paradigms. Thus, P. Rudnev states the aesthetic “gap” between the authors of the Soviet era and the authors of the 1990s–2010s. The rejection of the theatrical canons that existed earlier led to the rejection of the traditional understanding of the laws of constructing a dramatic text.

Key words: drama, Rut, man without properties, chronotope of the house, homelessness motif, conflict, Chekhov, existential harmony, value disorientation, "lost" person.

«Отличительная черта «человека без свойств» — не противоречие со всеми и даже не трагичность противостояния миру, но принципиальная невозможность разрешить «многостороннюю проблему этического самоопределения», осознание отсутствия однозначных решений, ясное понимание сущностного многообразия вещей и идей» — пишет И. И. Гарин в своём труде «Век Джойса» [1] «Человек без свойств» — так можно определить многих героев русской драматургии, которые появились в ней с началом развития новой драмы. Для таких героев характерны ценностная дезориентация, кризис самоидентичности, попытка имитации жизни.

Часто они пытаются уйти от реальности, подменить её чем-либо иным. Павел Руднев писал о таком типе героя: «...возникает облик современного героя как человека без свойств, со стертыми характеристиками» [2, с. 250].

Проанализировать реализацию данного личностного типа в современной драме нам поможет обращение к пьесе В. Арро «Колея», а далее мы рассмотрим, какое продолжение он находит в пьесах драматургов XXI века.

Смыслоопределяющим для данной пьесы становится хронотоп дома, организующий сюжет. На первый план в «Колее» выходит мотив бездомности: «Мы вообще

утратили понятие дома: дружного, надёжного, тёплого. А нет дома – нет и семьи. А нет семьи, то... – и ничего нет!» [3, с. 8] Нелли, главная героиня, ощущает собственное одиночество, одиночество своих детей и каждого человека в этом мире. Она не может найти устойчивых жизненных ориентиров. Дом – это символ стабильности, уверенности, защищенности, а у современного человека всего этого нет. Без дома невозможна семья, которая, в свою очередь, могла бы стать своеобразным спасением от ощущения тотального одиночества человека в мире. И это ощущение характеризует «человека без свойств». Семантическая сфера хронотопа «дом» формируется и за счет введения внесценических персонажей. В тексте несколько раз встречается образ девочки, лопающей воздушные шары детей на демонстрации. Она позволяет взглянуть на образ дома с иного ракурса: «Я пошла было за ней, я даже хотела крикнуть: задержите ее!.. А потом меня осенило: это же бездомное существо, одинокое, затравленное... И что я могу в ее судьбе изменить, чтобы не прибавить жесточения?.. Здесь только одно средство – дом. Тёплый дом» [3, с. 14]. Мы понимаем, что отсутствие дома – это не просто отсутствие всех вышеперечисленных атрибутов, это отсутствие любви, в котором мы и растим наших детей. Такие дети одиноки, несчастны и озлоблены – и образ этой девочки расширяет образ дома, раскрывает еще одно значение, которое тот несет в себе.

«Ах, как всё надоело! Я прихожу сюда, сажусь на этот скрипучий стул и спрашиваю себя: что, и это всё?.. Жизнь кончена? Другой жизни уже не будет? А где же семья? Где дом, чтобы тёплый, с живыми голосами, с приветливыми лицами, с радостью – где всё это? *(Встает, бредет к пианино, играет начало какой-то пьесы.)* Всё обрывки какие-то... Немного музыки... Немного любви... Немного материнства. И много-много работы!.. А в целом

всё расплывается. Ни-че-го!» [3, с. 14]. В данном монологе мы видим и те же мысли о доме и семье, и частотный вопрос, терзающий «человека без свойств»: неужели это всё? Неужели жизнь кончена и больше в ней ничего нет? Ощущение неполноты, несостоятельности преследует Нелли. Мы видим, что героиня сталкивается с кризисом самоидентичности и старается его преодолеть. Это не пример обывателя, который бессмысленно прожил свою жизнь и продолжает существовать, даже не задумываясь об этом. Рассуждая о том, как хорошо сидеть всем вместе за круглым столом и играть в лото, Нелли внезапно задает риторический вопрос, который открывает ее настоящие мысли в этот момент. На протяжении всей пьесы читатель ощущает экзальтированность героини, словно она готова потерять контроль над собой в любой момент, её состояние «на грани». И порой эти срывы происходят: например, во время прихода Гудкова и Слепухина Нелли кричит: «Да вы же сами издаете запах тухлятины! От вас за версту несет! К чему не прикоснетесь – там тлен, там гниение! Мерзость и пошлость! Господи, да это ведь из-за вас мы теряем наших детей!» [3, с. 24]. Большое количество восклицаний в речи героини также указывает на состояние истерики. Эта экзальтация обусловлена непрерывными размышлениями о том, что было сделано не так, почему нет удовлетворенности жизнью, куда двигаться дальше, как обрести все то, что было утрачено. Развернутые медитативные высказывания указывают на способность героини к саморефлексии.

Более того, в этом монологе у Нелли вырывается восклицание, которое будет повторяться снова и снова: «да это ведь из-за вас мы теряем наших детей!». Пьеса обнажает проблему потерянных детей потерянных родителей. Далее Нелли будет говорить о том, что она потеряла детей из-за постоянных слов, которые обрушивались на их головы (из-за того, что пыта-

лась воспитать их словами, но не дарила тепло, любовь, уют и близость). Здесь стоит сказать об особенностях языка героини. Речь Нелли подчеркивает ее отдаленность от реальности: она использует книжную лексику, выстраивает в разговоре сложные синтаксические конструкции, ее слова часто оторваны от жизни - это замечает Пиромов: «Нелли. <...> В нем уживается честь одновременно с бесчестьем. Доброта с жестокостью... Ум с глупостью непроходимой! Я не знаю, самые несовместимые вещи. // Пиромов (*после паузы*). Вы сейчас говорите о нем как редактор о литературном персонаже» [3, с. 9]. В этом видится оторванность главной героини от реальности, ее попытка скрыться за пафосными фразами, ее неприспособленность к жизни. Она растеряна, дезориентирована, поэтому говорит так, как привыкла на работе. И при этом понимает, что, умея красиво говорить, не может дать детям нечто более важное и нужное - дом.

Такие особенности речи напоминают о персонаже пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» – о Гаеве, о его знаменитом монологе, обращенном к шкафу: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (сквозь слезы) в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания» [5, с. 15]. В пьесе Чехова этот герой тоже призван показать собственную несостоятельность, неприспособленность к реальной жизни, он не умеет решать бытовые проблемы, не понимает, как спасти имение. Его постоянные отвлеченные речи обличают человека уходящего времени, цепляющегося за слова, как за свою единственную опору. Нелли поступает похожим образом, однако видит, что это лишь видимость опоры,

эти речи «растворяются», а она остается с реальностью один на один.

В «Колее» представлен конфликт материального и духовного, в котором и то, и другое оказывается несостоятельным. Этот конфликт находит свое отражение в словах Наташи: «Вы духовной пищей питаетесь, мы – материальной!.. Мы прагматики, вы эстеты. Вы романтики, философы, по ночам о дзэнбуддизме, мы технократы – ложимся рано...» [3, с. 39]. Она говорит это в противовес своей сестре, подчеркивая таким образом неправильность образа жизни Нелли, ведь он привел к тому, что Колю разыскивает милиция, мужа рядом нет, как и чувства дома, уюта, который создается в том числе и «мещанскими радостями»: игрой в лото, абажуром, самоваром, трюмо, приготовлением обедов. Пришивин, отец Нелли, увидев абажур, говорит: «Мещанство не дремлет» [3, с. 13]. Он считает, что абажуры жгли заслуженно, что это мишура, пыль и хлам, «...за которым человека не видно!..» [3., Колея, с. 14]. Он отрицает бытовые радости, тоже вступая в конфликт, который раскрывается с новой стороны: становится конфликтом частного и общезначимого в сознании постсоветского человека. Если Пришивин, являясь советским человеком, борется с бытом, то Нелли, воспитанная в такой же идеологии, но живущая в другое время – во время, открывшее несостоятельность данного мировоззрения – уже не может с таким же рвением осуждать частное. Она находится в растерянности, ведь то, среди чего она росла и чему верила, не может спасти её семью, а напротив, погубило её. Отец Нелли не сомневается в правомерности своей борьбы с частным, в том, что ориентиром должно выступать общезначимое.

Необходимо сказать еще об одном центральном образе пьесы - образе колеи. Притчу о ней придумывает и рассказывает Пиромов. Колея - это символ определенности, найденного пути, заданного

движения. «Человек без свойств» - это человек, потерявший свою колею, а может, никогда и не ступавший на нее. Это человек, который живет вне колеи и страдает из-за этого, ощущает растерянность, или же это человек, вдруг осознавший, что жизнь в колее была ошибкой, разочаровавшийся в своем пути. Такой представлена Нелли. Присутствие ее сестры помогает еще более явно это увидеть за счет контраста. Ведь Наташа движется в своей колее, она знает, что это за путь, он не делает ее счастливой, но дарит спокойствие и уверенность: «Я - женщина» [3, Колея, с. 39]. Нелли же разочаровывается в колее, выбранной когда-то, и хочет встать на ту, о которой говорит ее сестра: на колею женщины, которой не под силу переделать мир, но которая может повлиять на жизнь своей семьи. Однако Наташа изменяет мужу, признается Нелли в отсутствии счастья, что не дает нам занять ее сторону и решить, что жить необходимо по законам ее «колеи». К тому же Коля в конце притчи Пиромова говорит: «А если мне удобней без колеи?» [3, Колея, с. 43].

Образ «потерявшегося» человека формируется в современной драматургии под влиянием А. П. Чехова. Пьеса, поднимавшая проблему разобщенности внутри семьи и, следовательно, одиночества человека, была написана классиком в 1901 году. Это пьеса «Три сестры». Композиция её интересна тем, что состоит из действий, сильно отдаленных друг от друга во времени, между ними проходят годы, однако читатель может даже не заметить этого, ведь в основе замысла лежит желание автора передать атмосферу застоя. Тем не менее, с помощью подтекста, многочисленных деталей, ремарок, незначительных, на первый взгляд, слов создается ощущение жизни, повседневности, в которой «застряли» все герои.

Мечты Ирины о том, как труд сделает ее счастливой, как в труде обретет она наконец смысл жизни, так же несостоя-

тельны, как и мечты Нелли о построении нового уклада жизни, где она будет хозяйственной, где они с семьей будут обедать вместе дома, где ее дочь вырастет «домашней», «серенькой мышкой» и не будет знать бед и сомнений. Мы видим, что труд не приносит Ирине счастья, и понимаем, что не хватает им всем чего-то другого, более важного. Для понимания природы типажа «человек без свойств» необходима интерпретация образа Андрея Прозорова. Он наравне с сестрами раскрывает тему быстротечности, бессмысленности жизни, бесполезности и разочарованности человека в ней. Его история напоминает историю Ионыча из одноименного рассказа Чехова – историю человека, который стремился, мечтал, надеялся, но потух, сжился с окружающей средой и микрировал под нее, не замечая этого. Как и Нелли, он оглядывается назад и тоскует об ушедшем времени, потраченном не на то: «О, где оно, куда ушло мое прошлое, когда я был молод, весел, умен, когда я мечтал и мыслил изящно, когда настоящее и будущее мое озарялись надеждой?» [4, с.96]. Более того, Андрей тоже говорит о детях, поднимает вопрос о том, как такая жизнь и такое воспитание сказываются на них: «...и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери...» [4, с.97]. Причем Нелли как раз выражает надежду на то, что её дочь станет самой обыкновенной женщиной, без лишних возвышенных желаний, амбиций, родит детей и будет заниматься хозяйством. Андрей же говорит: «...я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои становимся свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...» [4, с.97]. Таким образом, он, напротив, боится этого мещанства и этой пошлости жизни, в которой «застрянет» не только он, но и его дети.

Ольга Подольская отмечала в своей статье, посвященной анализу «Трех сестер», тему сиротства, раскрываемую Чеховым. Многие основные героини его произведений или не имеют родителей (сестры Ира, Ольга и Маша, Варя из «Вишневого сада»), у Сони из «Дяди Вани» нет матери), или далеки с родителями (в «Чайке» Треплев не находит общий язык с мамой, Нина уходит из дома, Соня в «Дяде Ваня» совершенно не близка с отцом). «Это «духовное» сиротство». (Подольская О., «Три сестры»). Ключевые темы, образы и мотивы в пьесе А.П. Чехова). Интересно, что такая деталь, как самовар, присутствует в обоих произведениях: Чебутыкин дарит его сестрам, а Нелли сама достает с верхней полки. И самовар становится одним из основных символов дома, тепла, единения.

Мы видим, как похожи переживания Нелли на переживания героев А. П. Чехова. Однако стоит отметить, что её духовный кризис обусловлен иными причинами. А. П. Чехов пишет пьесу «Три сестры» в самом начале XX века - в непростое для русской интеллигенции время. Уже давно стоит вопрос о том, что необходимо заниматься общественно полезным делом, применять имеющиеся знания. Однако годы жизнь за счет других ослабили интеллигенцию. Сталкиваясь с реальностью, эти люди проигрывают ей. Практика хождения в народ оказалась неудачной, на смену ей пришла «теория малых дел», которая тоже не дала тех результатов, которые смогли бы остановить революционные процессы. Интеллигенция чувствует, что надо жить иначе, но, как мы видим в произведениях А. П. Чехова, ей не удается безболезненно перестроиться. Атрибуты прошлого разрушаются: вишневый сад Раневских, имение Прозоровых, - но новые пространства и сферы применения своих сил еще не найдены интеллигентами. Они ощущают, что «застряли» в прошлом, с этим связано многочисленное ци-

тирование различных произведений классической литературы в «Трех сестрах».

Однако, несмотря на социальное обоснование личностного кризиса у А. П. Чехова, значим и экзистенциальный аспект «потерянности» человека. Онтологическое несоответствие идеала жизни и его реализации играет важную роль в формировании образов героев и их мироощущения. Андрей мечтает о науке, но работает в земском собрании, Ольга видит в преподавании очень значимое дело, но ощущает постоянную усталость из-за работы, чувствует, что оставляет там жизнь, Маши, желающая быть замужем за умным, уважаемым человеком, разочаровывается в муже, утрачивает уважение к нему, Ира, стремящаяся работать и приносить пользу, живет с ощущением бесполезности своего существования. Герои Чехова ощущают личностный кризис не только из-за атмосферы кризисной эпохи, в которой они живут, но и из-за того, что их реальность не совпала с представлениями о ней, из-за мечтаний, так и оставшихся нереализованными.

В пьесе Арро сделан акцент на социальные мотивировки кризисного состояния героини. Духовный вакуум, ощущаемый Нелли, связан уже с иным временем: «Быт застойного времени не мог дать боевитого положительного героя - и в драмах «новой волны» его нет. В лучшем случае речь в них идет о повседневном преодолении лжи, подлости, предательства» [6]. Громова также говорит о том, что героями пьес «новой волны» являются 30-40-летние люди, которые подошли к порою подведения итогов и выяснили, что не достигли поставленных в юности целей. Молодость Нелли пришлось на деятельные, активные 50-тые - начало 60-тых, она сама вспоминает, как убежала на диспут, когда Коля был маленьким, каким важным казалось для нее это. Но 20 лет жизни в стране в эпоху застоя не могли не сказаться на людях. Они ощущали собственную потерянную, отсутствие былых идеалов, не приобретали новые

ориентир. Они проводили ревизию своих душ и находили духовное банкротство, непонимание, как и зачем им жить. Интересно, что в «Трех сестрах» мы наблюдаем это явление в связи с внутренним застоем в жизни именно интеллигенции, не могущей найти своего места в меняющихся реалиях, тогда как в «Колесе» показаны люди, большая часть жизни которых пришлась на застойное время в государстве. И если в пьесе Чехова происходит переход от социального аспекта к экзистенциальному, то в пьесе Арро, как отмечалось выше, значимо именно социальное обоснование кризиса Нелли. Однако мы видим, что черты «человека без свойств» присутствуют в героях обоих произведений.

Мы можем также заметить причинно-следственную связь: Чехов утверждает

значимость возвышенного и критикует излишнюю фиксацию на обыденности; далее, в советское время, быт и мещанство станут врагами, с которыми необходимо ежедневно бороться; а постсоветский человек уже обнаруживает несостоятельность такой идеологии. И мы понимаем, что необходим некий баланс общезначимого и частного: и то, и другое выполняет собственную уникальную функцию. Дефицит возвышенного приводит к сужению ментального горизонта, духовной деградации – дефицит обыденного лишает ощущения дома, убивает человеческое, дегуманизирует героя. Таким образом, и автор-классик, и современный автор, обращаясь к типу «человек без свойств», ориентируют своего читателя на поиск внутреннего баланса, гармонии бытового и бытийного.

Литература

1. Гарин И. И. Век Джойса. / И.И. Гарин. - М: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. - 848 с.
2. Руднев П. Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950-2010-е / П. Руднев. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 496 с.
3. Арро В. Колея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya->
4. Чехов А. П. Три сестры / А.П. Чехов. - Public Domain, 2007 - 109 с.
5. Чехов А. П. Вишневый сад / А.П. Чехов. - Public Domain, 2007 - 87 с.
6. Громова М. И. Русская современная драматургия. Учебное пособие. / М.И.Громова. - М.: Издательство "ФЛИНТА", 2013. - 150 с.